

Дневник писателя (1873 год)

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Вступлениe.....	3
II. Старые люди.....	6
III. Среда.....	12
IV. Нѣчто личное.....	24
V. Власъ.....	33
VI. Бобокъ.....	45
VII. «Смятенный видъ».....	59
VIII. Полписьма «одного лица».....	67
IX. По поводу выставки.....	75
X. Ряженый.....	86
XI. Мечты и грёзы.....	101
XII. (По поводу новой драмы).....	107
XIII. Маленькия картинки.....	117
XIV. Учителю.....	126
XV. Нѣчто о враньѣ.....	132
XVI. Одна изъ современныхъ фальшей.....	141

I. Вступленіе.

Двадцатаго декабря я узналь что уже все рѣшено, и что я редакторъ «Гражданина». Это чрезвычайное событіе, т. е., чрезвычайное для меня (я никого не хочу обижать), — произошло однако довольно просто. Двадцатаго декабря я какъ разъ читалъ статью «Московскихъ Вѣдомостей» о бракосочетаніи китайскаго императора; она оставила во мнѣ сильное впечатлѣніе. Это великолѣпное и повидимому весьма сложное событіе произошло тоже удивительно просто: все оно было предусмотрѣно и опредѣлено еще за тысячу лѣтъ, до послѣдней подробности, почти въ двухстахъ томахъ церемоній. Сравнивъ громадность китайскаго событія съ моимъ назначеніемъ въ редакторы, — я вдругъ почувствовалъ неблагодарность къ отечественнымъ установленіямъ, не смотря на то, что меня такъ легко утвердили и подумалъ, что намъ, т. е. мнѣ и князю Мещерскому, въ Китаѣ было бы несомнѣнно выгоднѣе, чѣмъ здѣсь, издававать «Гражданина». Тамъ все такъ ясно... Мы оба представали бы въ назначенный день въ тамошнее главное управлѣніе во дѣламъ печати. Стукнувшись лбами объ полъ и полизавъ полъ языккомъ, мы бы встали и подняли наши указательные персты передъ собою, почтительно склонивъ головы. Главноуправляющій по дѣламъ печати, конечно, сдѣлалъ бы видъ что не обращаетъ на насъ ни малѣйшаго вниманія, какъ на влетѣвшихъ мухъ. Но всталъ бы третій помощникъ третьяго его секретаря и держа въ рукахъ дипломъ о моемъ назначеніи въ редакторы, произнесъ бы намъ внушительнымъ, но ласковымъ голосомъ опредѣленное церемоніями наставлѣніе. Оно было бы такъ ясно и такъ понятно, что обоимъ намъ было бы неимовѣрно пріятно слушать. На случай, еслибы я въ Китаѣ былъ такъ глупъ и чистъ сердцемъ, что, приступая къ редакторству и сознавая слабость моихъ способностей, опустилъ бы въ себѣ страхъ и угрызенія совѣсти, — мнѣ бы totчасъ же было доказано что я вдвое глупъ питая такія чувства. Что именно съ этого момента мнѣ вовсе не надо ума, еслибы даже и былъ; напротивъ того, несравненно благонадежнѣе если его нѣтъ вовсе. И ужъ безъ сомнѣнія это было бы весьма пріятно выслушать. Заключивъ прекрасными словами: «Иди, редакторъ, отнынѣ ты можешьъ юсть рисъ и пить чай съ новымъ спокойствіемъ твоей совѣсти», третій помощникъ третьяго секретаря вручилъ

бы мнѣ красивый дипломъ, напечатанный на красномъ атласѣ золотыми литерами, князь Мещерскій далъ бы полновѣсную взятку, и оба мы, возвратясь домой, тотчасъ же бы издали великолѣпнѣйшій № «Гражданина», такой, какого здѣсь никогда не издадимъ. Въ Китаѣ мы бы издавали отлично.

Подозрѣваю однако, что въ Китаѣ князь Мещерскій непремѣнно бы со мною схитрилъ, пригласивъ меня въ редакторы наиболѣе съ тою цѣлью, чтобы я замѣнялъ его лицо въ главномъ управлѣніи по дѣламъ печати каждый разъ, когда бы его приглашали туда получать удары по пятымъ бамбуковыми дощечками. Но я перехитрилъ бы его: я бы тотчасъ пересталъ печатать «Бисмарка», самъ же, напротивъ, сталъ отлично писать статьи, — такъ что къ бамбуку призывали бы меня всего лишь черезъ нумеръ. За то я бы выучился писать.

Въ Китаѣ я бы отлично писалъ; здѣсь это гораздо труднѣе. Тамъ все предусмотрѣно и все разсчитано на тысячу лѣтъ; здѣсь же все вверхъ дномъ на тысячу лѣтъ. Тамъ я даже по неволѣ писалъ бы понятно; такъ что не знаю кто бы меня стала читать. Здѣсь, чтобы заставить себя читать, даже выгоднѣе писать непонятно. Только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» передовыя статьи пишутся въ полтора столбца и — къ удивленію — понятно; да и то если принадлежать извѣстному перу. Въ «Голосѣ» онѣ пишутся въ восемь, въ десять, въ двѣнадцать и даже въ тринадцать столбцовъ. И такъ вотъ сколько надо здѣсь истратить столбцовъ, чтобы заставить уважать себя.

У насъ говорить съ другими — наука, т. е., съ первого взгляда, пожалуй также какъ и въ Китаѣ; какъ и тамъ, есть нѣсколько очень упрощенныхъ и чисто научныхъ пріемовъ. Прежде, напримѣръ, слова: «я ничего не понимаю» означали только глупость произносившаго ихъ; теперь же приносятъ великую честь. Стоить лишь произнести съ открытымъ видомъ и съ гордостью: «Я не понимаю религіи, я ничего не понимаю въ Россіи, я ровно ничего не понимаю въ искусствѣ» — и вы тотчасъ же ставите себя на отмѣнную высоту. И это особенно выгодно, если вы въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаете.

Но этотъ упрощенный пріемъ ничего не доказываетъ. Въ сущности у насъ каждый подозрѣваетъ другаго въ глупости, безо всякой задумчивости и безо всякаго обратнаго вопроса на себя: «да ужъ не я ли это глупъ въ самомъ дѣлѣ?» Положеніе вседовольное, и однако же никто не доволенъ имъ, а всѣ сердятся. Да и задумчивость въ наше время почти невозможна: дорого стоить. Правда, покупаютъ готовыя идеи. Онѣ проходятся вездѣ, даже даромъ; но даромъ то еще дороже обходятся, и это

уже начинаютъ предчувствовать. Въ результатѣ никакой выгода и по прежнему беспорядокъ.

Пожалуй, мы тотъ же Китай, но только безъ его порядка. Мы едва лишь начинаемъ тѣ, чѣмъ Китаѣ уже оканчивается. Несомнѣнно приDEMЪ къ тому же концу, но когда? Чтобы принять тысячу томовъ «Церемоній» съ тѣмъ, чтобы уже окончательно выиграть право ни о чѣмъ не задумываться, — намъ надо прожить по крайней мѣрѣ еще тысячелѣтіе задумчивости. И что же — никто не хочетъ ускорить срокъ, потому что никто не хочетъ задумываться.

Правда и то: если никто не хочетъ задумываться, то, казалось бы, тѣмъ легче русскому литератору. Да, легче дѣйствительно; и горе тому литератору и издателю, который въ наше время задумывается. Еще горше тому кто самъ захотѣлъ бы учиться и понимать; но еще горше тому, который объявить объ этомъ искренно; а если заявить что уже капельку понялъ и желаетъ высказать свою мысль, то немедленно всѣми оставляется. Ему остается лишь подыскать какого нибудь одного подходящаго человѣчка, или даже нанять его, и только съ нимъ однимъ и разговаривать; можетъ быть для него одного и журналъ издавать. Положеніе омерзительное, ибо это все равно что говорить самому съ собой и издавать журналъ для собственного удовольствія. Я сильно подозрѣваю, что «Гражданину» еще долго придется говорить самому съ собой для собственного удовольствія. Взять уже тѣ, что по медицинѣ разговоръ съ собой обозначаетъ предрасположеніе къ помѣшательству. «Гражданинъ» долженъ непремѣнно говорить съ гражданами и вотъ въ томъ вся бѣда его!

И такъ вотъ къ какому изданію я пріобщилъ себя. Положеніе мое въ высшей степени неопределеннное. Но буду и я говорить самъ съ собой и для собственного удовольствія, въ формѣ этого дневника, а тамъ что-бы ни вышло. Объ чѣмъ говорить? Обо всемъ что поразитъ меня или заставитъ задуматься. Если же найду читателя и, Боже сохрани, оппонента, то понимаю что надо умѣть разговаривать и знать съ кѣмъ и какъ говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у насъ это всего труднѣе, т. е. въ литературѣ. Къ тому же и оппоненты бываютъ различные; не со всяkimъ можно начать разговоръ. Расскажу одну басню, которую слышалъ на дняхъ. Говорятъ что басня древняя, чутъ не индійскаго происхожденія, что весьма утѣшительно.

Однажды свинья поспорила со львомъ и вызвала его на дуэль. Воротясь домой, одумалась и струсила. Собралось все стадо, подумали и пѣшили такъ:

— Видишь, свинья, тутъ у насъ по близости есть одна яма; поди, вывалияся въ ней хорошенъко и явись такъ на мѣсто. Увидишь.

Свинья такъ и сдѣлала. Левъ пришелъ, понюхалъ, поморщился и пошелъ прочь. Долго еще потомъ свинья хвалилась что левъ струсиль и убѣжалъ съ поля битвы.

Вотъ басня. Конечно, львовъ у насъ нѣтъ, — не по климату, да и слишкомъ величественно. Но поставьте вмѣсто льва порядочнаго человѣка, какимъ каждый обязанъ быть, и нравоученіе выйдетъ тоже самое.

Кстати разскажу еще присказку:

Однажды, разговаривая съ покойнымъ Герценомъ, я очень хвалилъ ему одно его сочиненіе, — «Съ того берега». Объ этой книгѣ, къ величайшему моему удовольствію, съ похвалой отнесся и Михаилъ Петровичъ Погодинъ въ своей превосходной и любопытнѣйшей статьѣ о свиданіи его за границей съ Герценомъ. Эта книга написана въ формѣ разговора двухъ лицъ, Герцена и его оппонента.

— И мнѣ особенно нравится, замѣтилъ я между прочимъ, что вашъ оппонентъ то же очень уменъ. Согласитесь что онъ васъ во многихъ случаяхъ ставитъ къ стѣнѣ.

— Да вѣдь въ томъ-то и вся штука, засмѣялся Герценъ. Я вамъ разскажу анекдотъ. Разъ, когда я былъ въ Петербургѣ, затащилъ меня къ себѣ Бѣлинскій и усадилъ слушать свою статью, которую горячо писалъ: «Разговоръ между господиномъ А. и господиномъ Б.» (Вошла въ собраніе его сочиненій). Въ этой статьѣ господинъ А., т. е., разумѣется, самъ Бѣлинскій, — выставленъ очень умнымъ, а господинъ Б., его оппонентъ, поплоше. Когда онъ кончилъ, то съ лихорадочнымъ ожиданіемъ спросилъ меня:

— Ну что, какъ ты думаешь?

— Да хорошо то хорошо и видно что ты очень уменъ, но только охота тебѣ была съ такимъ дуралеемъ свое время терять.

Бѣлинскій бросился на диванъ, лицомъ въ подушку, и закричалъ, смѣясь что есть мочи:

— Зарѣзалъ! Зарѣзалъ!

II. Старые люди.

Этотъ анекдотъ о Бѣлинскомъ напомнилъ мнѣ теперь мое первое вступленіе на литературное поприще, Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому

назадъ; грустное, роковое для меня время. Мнѣ именно припомнился самъ Бѣлинскій, какимъ я его тогда встрѣтилъ и какъ онъ меня тогда встрѣтилъ. Мнѣ часто припоминаются теперь старые люди, конечно потому что встрѣчаюсь съ новыми. Это была самая восторженная личность изо всѣхъ мнѣ встрѣчавшихся въ жизни. Герценъ былъ совсѣмъ другое: то былъ продуктъ нашего барства, *gentilhomme russe et citoyen du monde*¹ прежде всего, — типъ явившійся только въ Россіи и который никогда кромѣ Россіи не могъ явиться. Герценъ не эмигрировалъ, не полагалъ начало русской эмиграціи; — нѣтъ, онъ такъ ужъ и родился эмигрантомъ. Они всѣ, ему подобные, такъ прямо и рождались у насъ эмигрантами, хотя большинство ихъ и не выѣзжало изъ Россіи. Въ полтораста лѣтъ предыдущей жизни русскаго барства, за весьма малыми исключеніями, истлѣли послѣдніе корни, расщатались послѣднія связи его съ русской почвой и съ русской правдой. Герцену какъ будто сама история предназначила выразить собою въ самомъ яркомъ типѣ этотъ разрывъ съ народомъ огромнаго большинства образованнаго нашего словія. Въ этомъ смыслѣ это типъ историческій. Отдѣляясь отъ народа, они естественно потеряли и Бога. Безпокойные изъ нихъ стали атеистами; вялые и спокойные — индиферентными. Къ русскому народу они птили лишь одно презрѣніе, воображая и вѣруя въ то же время что любить его и желаютъ ему всего лучшаго. Но они любили его отрицательно, воображая вмѣсто него какой-то идеальный народъ, — какимъ-бы долженъ быть по ихъ понятіямъ русскій народъ. Этотъ идеальный народъ невольно воплощался тогда у иныхъ передовыхъ представителей большинства въ парижскую чернь девяносто третьяго года. Тогда это былъ самый плѣнительный идеалъ народа. Разумѣется, Герценъ долженъ былъ стать соціалистомъ и именно какъ русскій баричъ, то есть безо всякой нужды и цѣли, а изъ одного только «логического теченія идей» и отъ сердечной пустоты на родинѣ. Онъ отрекся отъ основъ прежняго общества; отрицалъ семейство и былъ, кажется, хорошимъ отцомъ и мужемъ. Отрицалъ собственность, а въ ожиданіи успѣхъ устроить дѣла свои, и съ удовольствиемъ ощущалъ за границей свою обезпеченность. Онъ заводилъ революціи и подстрекалъ къ нимъ друзіхъ и въ тоже время любилъ комфортъ и семейный покой. Это былъ художникъ, мыслитель, блестящій писатель, чрезвычайно начитанный человѣкъ, остроумецъ, удивительный собесѣдникъ (говорилъ онъ даже лучше, чѣмъ писалъ) и великолѣпный рефлектёръ. Рефлексія, способ-

¹ русский дворянин и гражданин мира (франц.). — здесь и далее перевод всех иноязычных текстов приводится нами по современному изданию «Дневника писателя» Достоевского. — Прим. издательства *ImWerden*.

ность сдѣлать изъ самаго глубокаго своего чувства объектъ, поставить его передъ собою, поклониться ему и сейчасъ же, пожалуй, и насмѣяться надъ нимъ, — была въ немъ развита въ высшей степени. Безъ сомнѣнія, это былъ человѣкъ необыкновенный; но чѣмъ бы онъ ни былъ, — писалъ-ли свои записки, издавалъ-ли журналъ съ Прудономъ, выходилъ-ли въ Парижъ на баррикады, (что такъ комически описать въ своихъ запискахъ); страдалъ-ли, радовался-ли, сомнѣвался-ли; посыпалъ-ли въ Россію, въ шестьдесятъ третьемъ году, въ угоду полякамъ свое воззваніе къ русскимъ революціонерамъ, въ тоже время не вѣря полякамъ и зная, что они его обманули, зная, что своимъ воззваніемъ онъ губить сотни этихъ несчастныхъ молодыхъ людей; съ наивностью ли неслыханною признавался въ этомъ самъ въ одной изъ позднѣйшихъ статей своихъ, даже и не подозрѣвая, въ какомъ свѣтѣ самъ себя выставляетъ такимъ признаніемъ — всегда, вездѣ и во всю свою жизнь онъ, прежде всего, былъ *gentilhomme russe et citoyen du monde*, по просту продуктъ прежняго крѣпостничества, которое онъ ненавидѣлъ и изъ котораго произошелъ, не по отцу только, а именно чрезъ разрывъ съ родной землей и съ ея идеалами. Бѣлинскій напротивъ, Бѣлинскій былъ вовсе не *gentilhomme*, — о, нѣтъ. (Онъ Богъ знаетъ отъ кого происходилъ. Отецъ его былъ, кажется, военнымъ лекаремъ).

Бѣлинскій былъ по преимуществу не рефлективная личность, а именно беззавѣтно восторженная, всегда и во всю его жизнь. Первая поѣзда моя «Бѣдные Люди» восхитила его (потомъ, почти годъ спустя, мы разошлись — отъ разнообразныхъ причинъ, весьма впрочемъ неважныхъ во всѣхъ отношеніяхъ); но тогда, въ первые дни знакомства, приязвавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру. Я нисколько не преувеличиваю его горячаго влеченія ко мнѣ, по крайней-мѣрѣ въ первые мѣсяцы знакомства. Я засталъ его страстнымъ соціалистомъ и онъ прямо началъ со мной съ атеизма. Въ этомъ много для меня знаменательного, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшимъ образомъ проникаться идеей. Интернаціоналка въ одномъ изъ своихъ воззваній, года два тому назадъ, начала прямо съ знаменательного заявленія: «мы прежде всего общество атеистическое», т. е., начала съ самой сути дѣла; тѣмъ же началъ и Бѣлинскій. Выше всего цѣнѧ разумъ, науку и реализмъ, онъ въ тоже время понималъ глубже всѣхъ, что одни: разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не соціальную «гармонію», въ которой бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему — начала нравственности. Въ новыя нравственныя основы соціализма (который однако не

указалъ до сихъ поръ ни единой, кромъ гнусныхъ извращеній природы и здраваго смысла) онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ быль одинъ лишь восторгъ. Но какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложити христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинать съ атеизма. Ему надо было низложити ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности — онъ отрицалъ радикально. (Замѣчу, что онъ былъ тоже хорошимъ мужемъ и отцомъ какъ и Герценъ). Безъ сомнѣнія онъ понималъ, что отрицая нравственную отвѣтственность личности онъ тѣмъ самымъ отрицаетъ и свободу ея; но онъ вѣрилъ всѣмъ существомъ своимъ (гораздо слѣпѣ Герцена, который, кажется, подконецъ усумнился), что соціализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ.

Тутъ оставалась однако сияющая личность самого Христа, съ кото-рою всего труднѣе было бороться. Ученіе Христово онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣкоболюбіемъ, осужденнымъ современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудо-творная красота. Но въ безпрерывномъ, неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и предъ этимъ неодолимымъ препятствиемъ какъ остановился Ренанъ, провозгласившій въ своей полной безвѣрія книгѣ *Vie de Jesus*¹, что Христосъ все таки есть идеаль красоты человѣческой, типъ недостижимый, которому нельзя уже болѣе по-вториться даже и въ будущемъ.

— Да знаете-ли вы, взвизгивалъ онъ разъ вечеромъ (онъ иногда какъ-то взвизгивалъ, если очень горячился), обращаясь ко мнѣ, знаете-ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи человѣку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество такъ подло устроено, что человѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству и что нелѣпо и жестоко требовать съ человѣка того, чего уже по законамъ природы не можетъ онъ выполнить, еслиѣ даже хотѣлъ...

Въ этотъ вечеръ мы были не одни; присутствовалъ одинъ изъ друзей Бѣлинскаго, котораго онъ весьма уважалъ и во многомъ слушался; былъ тоже одинъ молоденькій, начинающій литераторъ, заслужившій потомъ извѣстность въ литературѣ.

¹ «Жизнь Иисуса» (франц.).

— Минь даже умилительно смотрѣть на него, прерваль вдругъ свои яростныя восклицанія Бѣлинскій, обращаясь къ своему другу и указывая на меня: каждый—то разъ, когда я вотъ такъ помяну Христа, у него все лицо измѣняется, точно заплакать хочетъ... Да, повѣрьте же, наивный вы человѣкъ, набросился онъ опять на меня, повѣрьте же, что вашъ Христосъ, если бы родился въ наше время, быль бы самымъ незамѣтнымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ; такъ и стушевался бы при нынѣшней наукѣ и при нынѣшнихъ двигателяхъ человѣчества.

— Ну, нѣ—ѣ—ѣтъ! подхватилъ другъ Бѣлинскаго. (Я помню, мы сидѣли, а онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ) — ну, нѣтъ: если бы теперь появился Христосъ, Онъ бы примкнулъ къ движенію и сталъ во главѣ его...

— Ну да, ну да, вдругъ и съ удивительною поспѣшностью согласился Бѣлинскій. Онъ бы именно примкнулъ къ соціалистамъ и пошелъ за ними.

Эти двигатели человѣчества, къ которымъ предназначалось примкнуть Христу, были тогда все французы: прежде всѣхъ Жоржъ-Зандъ, теперь совершенно забытый Кабетъ, Пьеръ Леру и Прудонъ, тогда еще только начинавшій свою дѣятельность. Этихъ четырехъ, сколько припомню, всего болѣе уважалъ тогда Бѣлинскій. Фурье уже далеко не такъ уважался. Обѣихъ толковалось у него по цѣльмъ вечерамъ. Быль тоже одинъ нѣмецъ, передъ которымъ тогда онъ очень склонялся — Фейербахъ. (Бѣлинскій, не могшій во всю жизнь научиться ни одному иностранному языку, произносилъ: Фіербахъ). О Штраусѣ говорилось съ благоговѣніемъ.

При такой теплой вѣрѣ въ свою идею, это быль, разумѣется, самый счастливѣйшій изъ людей. О, напрасно писали потомъ, что Бѣлинскій, еслибъ прожилъ дольше, примкнулъ бы къ славянофильству. Никогда бы не кончилъ онъ славянофильствомъ. Бѣлинскій можетъ быть кончилъ бы эмиграціей, если бы прожилъ дольше и еслибы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь, маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ, съ прежнею теплой вѣрой, не допускающей ни малѣйшихъ сомнѣній, гдѣнибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи, или примкнулъ бы адъютантомъ къ какой нибудь нѣмецкой М—те Гѣггъ, на побѣгушкахъ по какому нибудь женскому вопросу.

Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствиемъ совѣсти, иногда впрочемъ очень грустилъ; но грусть эта была особаго рода, — не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о, нѣтъ, — а вотъ почему не сегодня, почему не завтра? Это быль самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи. Разъ я встрѣтилъ его утромъ, часа въ